

ГЛАВА 10

Проснувшись, Арсений увидел рядом с собой обнаженное тело спящей Наташи. Она лежала словно ребенок, свернувшись калачиком на белой смятой простыне. Санька до сих пор не было дома. Он попытался ему позвонить, но телефон не отвечал. В кармане лежал сложенный пополам пластиковый файл с вложенными внутрь несколькими листами бумаги. Открыв его, он вспомнил, что собирался его прочитать. На титульном листе большими буквами было написано: «ШАНЕЛЬ»

«Шанель»

От старого деревянного стола пахло потом, бумагой и чернилами. Прижатая щекой к замусоленной поверхности, она меланхолично смотрела на мух, ползающих в полуметре от ее лица. В зависимости от силы толчков они то взлетали, то снова садились. Мухи ели что-то липкое, тут же срали, парочка совокуплялась. Ее живот терся о какую-то мерзость. Засаленные пятна на столе отдавали отчаяньем, страхом и болью. В живот впились мелкие занозы, но на эту ерунду не было сил обращать внимание. Хотелось пошевелить затекшей шеей, но его сильная рука не позволяла это сделать. Тупая боль внутри была не такой уж и сильной. Сначала было обидно, но она быстро смирилась, поняв, что та ярость, которая закипала в ней, может принести ей только больше беды и боли. Она ярко помнила с детства ту, другую боль, в сотни раз сильнее. А на эту же боль можно было не обращать внимания. Движения ускорились, а тяжелое дыхание должно было скоро смениться финальным рычанием.

– На тебе, сучка! На тебе! – повторял мент с перекошенным от злобы лицом.

В голове наконец-то появился ее первый папа и боль почти растворилась. Он, стоя возле двери, сверкал золотой короной и приглашал зайти в замок. Рядом была мама – королева, их слуги, шуты. Внутри ждала розовая комната, большой плюшевый медведь и любимый белый котенок. Давно их не было видно, с семи лет. Они все снова были рады ее видеть. На душе снова стало радостно и спокойно. Первые мама и папа были самыми добрыми. Бросившись на руки папе-королю, она крепко прижалась и прошептала на ухо – «папочка, я люблю тебя, ты самый лучший на свете у меня».

Внезапно знакомая до боли вонь заполнила ее, и в памяти снова появился ОН. Впервые запах одеколona Шанель врезался ей в память, когда она еще была маленьким бутусом. ОН сажал ее, голенькую трехлетнюю девочку, себе на волосатую ногу, странно дышал, и иногда, прижавшись очень сильно и больно, издавал стон. Потом все прекращалось. Этот запах запомнился ей впервые тогда, когда она заплакала от боли. С тех пор этим всегда пахла боль. Это был ЕГО любимый запах. Сейчас от мента пахло точно так же. Вместе с болью из глубин памяти начал подниматься ЕГО образ. И боль настоящая снова пропала. Её сменила боль из воспоминаний, та, которая никак не забывалась. Боль, которую приносил ОН, тот, которого так сильно любила ее мама, тот, кто должен был заменить ей отца, тот, которого вообще не должно было быть. Больше всего на свете она ненавидела запах его одеколona, и сейчас этот мент, больно пихающий ее сзади, смердел точно так же. Нужно было срочно что-нибудь вспомнить хорошее, иначе последствия будут непредсказуемые. Приближающаяся бесконтрольная паника уже была где-то рядом. Каждый раз, даже спустя столько лет, эта французская вонь заставляла ее терять контроль над реальностью. Последний раз, с полгода назад, она, почуяв этот запах в переполненной маршрутке, отключилась на несколько часов. Она обнаружила себя в подъезде какого-то дома. Там она стояла у стены и пилкой для ногтей выковыривала на штукатурке огромное слово «ПРОЩАЮ». Где она была последние три часа, не помнила. Не хотелось бы сейчас, здесь, в кабинете мента, потерять контроль над реальностью.

И снова ярким пятном появляется ОН, неся с собой страх. Она ярко помнила первую серьезную боль. Тогда мама дежурила в ночную смену на работе, в больнице, и ОН снова терся волосатой ляжкой об ее самые нежные места. Привыкшая к этому, она терпеливо ждала момента, когда он должен был простонать, но вдруг зазвонили в дверь. Психанув, он грубо оттолкнул её и пошел открывать. Накричав на кого-то, по-

беспокоившего его так не вовремя, он хлопнул дверью, вернулся к ней и грубо схватил. Она хлопала большими глазенками и тянула к нему свои пухленькие ручки. До того дня она беззаветно любила его, так, как любит любая малышка своего папу. Но вместо ответной любви резкая и невыносимая боль парализовала ее. Отчим, безумно выпучив глаза, резко засунул в нее палец, а она ничего не могла поделать. Одной рукой он закрывал ей рот, сдерживая детский крик, а другой делал нечто ужасное. Боль и запах его французского парфюма слились тогда впервые в единое целое. Тогда и начался ад, прекращающийся только в те дни, когда маме не нужно было идти на работу. В те дни отчим был совершенно другим человеком. Ласковым и заботливым. Таким же, как папа-король в ее фантазиях. Со стороны казалось, что у нее идеальная семья. Мама была безумно влюблена в него, а он боготворил ее и чуть ли не на руках носил. Они часто гуляли все втроем, кушая мороженое в парке. Иногда он даже покупал ей игрушки. Попытки рассказать маме о том, что новый папа делает ей больно, заканчивались мамиными криками и обвинениями во лжи.

– Вечно ты напридумываешь каких-нибудь историй, и путаешь потом реальность со своими выдумками. То у тебя папа-король, то под кроватью живет воображаемый котенок, то еще чепуха какая-то, – кричала на нее мать, не желая верить своей малышке. Сумасшедшая любовь сделала мать слепой.

– Дорогая, надо бы ее психиатру показать. Ненормально это, когда ребенок путает, где реальность, а где ее бредни, – говорил постоянно ОН.

С тех пор ее стали считать аутистом. Каждый раз, когда мама уходила на работу, маленькая девочка бежала в мир своих фантазий, из которого ее невозможно было достать. Там, в ее мечтах, все было прекрасно, как в сказке про маленькую принцессу. В реальности же происходили ужасные вещи. «Любящий» отчим становился монстром. Его глаза заливала похоть, превращая в совершенно другого человека. Он не просто удовлетворял себя, он старался каждый раз сделать ей больно. Ее тело корчилось, стремясь прекратить все это, но душа была далеко, в ее дворце, с лучшими на свете мамой и папой. Отчим грозился закопать ее заживо за гаражами, если она еще хоть раз попытается пожаловаться маме. Смирившись со своей судьбой, она больше не жаловалась, предпочитая все чаще уходить в свой придуманный мир.

Так продолжалось до семи лет. От отчима мама родила ей двух сестренок, которых она ужасно любила. На первое сентября ее отвели в спецшколу для умственно отсталых. Там с утра до обеда их заставляли клеить картонные коробочки, а ей это совсем не нравилось. Писать и читать ее научили добрые бабушки-соседки, которым она помогала, бегая по их поручению за чем-нибудь в магазин. Отчим долгое время не трогал своих родных дочерей, изображая любящего папу, но когда старшей исполнилось шесть, он попытался удовлетворить свою похоть и с ней. Но той удалось «спастись». Старшая дочка больно укусила папу в то место, которое никогда не должна была видеть. Он, заорав, так швырнул ее об стену, что ее пришлось положить в больницу. Ему снова удалось убедить маму, что все это выдумки детей, и что она просто поскользнулась, играя с ним. Образовавшаяся у сестреники гематома через несколько лет переросла в опухоль, и она умерла, так и не дожив до двенадцати лет.

Но жизнь продолжалась. Она жила в обычном питерском дворике, где она всем рассказывала, что у нее самые лучшие на свете королева-мама и король-папа. Ну а ее детство закончилось, не успев начаться. Впервые тогда она ощутила то, что ощущала сейчас, лёжа на столе в кабинете мента. Тупая, тянущая изнутри боль. Ее детский организм принял неправильные сигналы, и вскоре после этого у нее начались первые месячные. В семь лет она стала женщиной. Вот тогда на смену папе-королю и маме-королеве пришли «мама-учительница из школы» и «папа герой-летчик». Кто-то во дворе с улыбкой воспринимал ее истории, кто-то крутил пальцем у виска, обзывая врушкой или ненормальной. Но ей было все равно, что думали о ней. Волшебный мир, в котором она находилась большую часть времени, был более реальным для нее. Там ей было хорошо и комфортно. С годами взрослело и ее воображение. Мама и папа меняли образы и профессии, а замок превращался то в красивый дом за городом, то во дворец на райском тропическом острове. Когда ей было совсем невыносимо от его издевательств, она представляла, что останавливает себе сердце. Так она научилась терять сознание. По несколько раз в год она попадала в больницу, где на пару недель

реальная жизнь становилась безопасной и не менее интересной, чем придуманная. Добрые доктора и нянечки дарили ей свою любовь, а она им отвечала тем же. Она всегда со слезами выписывалась из своего убежища. Наверное, так продолжалось бы вечно, и, в конечном счете, отчим загнал бы ее навсегда жить в плену фантазий, но ее женская природа все изменила. Когда ей было тринадцать лет, она призналась ему, что у нее третий месяц нет месячных, и что ее постоянно тошнит. Тогда вот и вылез его демон полностью, явив свой ужасный лик. Остекленевшие глаза, перекошенная рожа. Обезумев, он орал и бросал об стену всё, что ему попадалось под руку. В конце концов, он, схватив кухонный нож, закричал – «я сам достану это из тебя», и полоснул ее по животу. Она успела подставить руку, и сохранила себе жизнь ценой перерезанного сухожилия. Он еще пару раз попытался вспороть ей живот, но исполозованные руки спасли ее. Затем он бросил нож и убежал. Боль была невыносимой. В полубессознательном состоянии она кое-как заклеила себя лейкопластырем, и, придерживая порезанный живот обвисшей рукой, вышла на улицу. Что было дальше, она не помнила. Но самым ужасным было то, что спустя неделю, которую она провела без сознания, она, открыв глаза, снова увидела его. Он ждал, когда она придет в себя, словно заботливый отец, и не отходил от ее кровати несколько дней. Он приказал рассказать милиционерам историю о том, что на нее в подъезде напал незнакомец. Затем, смакуя свою безнаказанность, он описал в подробностях, как будет убивать ее и сестренку, если кто-нибудь узнает правду. И снова ее спас воображаемый мирок, где она была счастлива. О том, что у нее случился выкидыш, она узнала от мамы. Та обзывала ее маленькой шлюшкой, кричала, пытаясь вытянуть из неё имя того, кто посмел воспользоваться беззащитностью психически больного ребенка, но дочь лишь тупо улыбалась в ответ, представляя себя где-то в другом месте. Милиция тогда закрыла дело, не найдя виновных.

А через полгода она повстречала Таню. Это случилось ранней осенью. Сидя в парке на лавочке, она, как обычно, летала в фантазиях, стараясь не обращать внимания на окружающий мир. Но вдруг она почувствовала, что кто-то сидит рядом и уже давно смотрит на нее. Это была красивая девушка. Вернувшись из своих грез, она позволила заговорить с ней. На следующий день они снова встретились там же, и они снова с удовольствием проболтали до самой темноты. Так зародилась их дружба. Ей было четырнадцать, а Тане двадцать пять. Одна выглядела значительно старше своего возраста, а другая значительно моложе. Они обе тянулись друг другу, как родственные души. Одна хотела любви, а другая искала того, кто мог бы принимать ее любовь. Через месяц у них уже не было между собой никаких секретов. И однажды Таня предложила помочь ей избавиться от демона, что жил под обликом любящего отчима. Однако страх безумного отчима парализовывал ее волю. Ей хотелось отомстить ему, но было ужасно страшно. Больше всего ей хотелось отомстить даже не за себя, а за умершую год назад сестренку. Таня много раз повторяла, что нужно быть сильной духом, и тогда можно победить кого угодно. Несколько недель они готовились, и однажды решились. Вместе они пошли и написали заявление в милицию. Когда милиция пришла к ним домой, мать долго отказывалась поверить в историю дочери. Она так не хотела терять любимого, что помогла ему избежать ареста. Не сразу пришло к ней осознание, что ее муж – маньяк, сломавший жизнь ее дочери. Он! Подтянутый красавец-мужчина тридцати пяти лет, интеллигентная рыжая борода, элегантно переходящая в бакенбарды. Он сводил мать с ума. Он знал семнадцать языков. Интеллектуал, не пьющий, не курящий. Он неплохо зарабатывал, делая за деньги курсовые студентам или переводя за профессоров их труды на разные языки. Не каждый тогда, в советское время, готов был взять в жены женщину с ребенком, чей отец сидел в тюрьме по политической статье. «Как он мог? Я не верю!» – еще долго твердила мать, порой уставившись куда-то в пустоту.

Он вообще не должен был жить. Судьба зачем-то однажды дала ему шанс исполнить свою миссию на этой земле. Его, совсем маленького, вынесли в мешке с картошкой из немецкого концлагеря. Его мать, отдав спрятанное на черный день золотое кольцо надзирателю, организовала малышу побег. Через два дня весь их барак был отправлен в газовую камеру. Чудом выживший, он рос невероятно талантливым во всем. Он пожирал жизнь, каждый день будто последний. Любые знания он впитывал как губка, не прикладывая к этому никаких усилий.

Но что за миссия была у этого существа, не понимала ни она, ни ее мать. Он не пропал навечно, как думала она, а нагло появился через полгода, и, угрожая ей и матери, стал требовать, чтобы они забрали заявление из милиции. Мать плакала, а она, прижав к себе сестренку,

снова отлетала в мир иллюзий. Она ничего не могла с собой поделать. Страх сковывал ее волю, и снова идеальная семья звала ее в идеальный мир, где не было боли и страданий. И только благодаря Тане она снова смогла быстро вернуться в реальный мир. Лежа в одной постели, они подолгу смотрели друг другу в глаза и просто молчали. Таня тянула ее из того мира в этот, убеждая не сдаваться. Трижды мать забирала заявления, и трижды они с Таней снова приходили в милицию, прося о помощи. В те месяцы, когда он, казалось бы, исчез навсегда, они вечерами ходили к танцовщице по имени Мандала и обучались индийскому танцу. Танец словно лечил ее душу и волю. Находясь рядом с Таней, ей казалось, что реальность вовсе не столь агрессивна и чужда ей, как раньше. Им нравилось слушать мантры и наслаждаться ароматами индийских благовоний, всегда дымящихся в доме танцовщицы.

И вот теперь снова, тут, на столе, она почувствовала ЕГО запах. Парализующий страх сковал ее. Мент навалился на нее всем телом, злясь на плохую эрекцию. Запах окаянного одеколona вновь спутал ее мысли. Перед лицом замелькали образы придуманных ею идеальных родителей, образ Татьяны, мамы, образ ЕГО. Вот уже несколько лет, как она точно знает, что никогда больше ЕГО не увидит. Жить в реальном мире она научилась, но этот запах до сих пор начисто выносил ей мозг. Только не сейчас. Я должна быть сильной, повторяла она слова Тани. Чтобы ни происходило, я должна оставаться в сознании. Однако она невольно вновь погрузилась в воспоминания – на этот раз о Тане.

Те три года, когда они жили вместе, были самыми счастливыми в ее жизни. Они жили в доме для надзирателей при колонии для несовершеннолетних. После того, как в очередной раз ОН махал перед ее и Татьяниним лицом ножом, требуя забрать дело из милиции, они обратились в кризисно-психологическую службу. Там по программе «мать и ребенок в опасности» их вывезли в область. Три года они с Таней гуляли днем вместе с несовершеннолетними преступницами, а вечерами они, закрывшись в их маленькой комнате, танцевали под музыку на кассетном магнитофоне индийские храмовые танцы, жгли ароматные палочки и даже иногда покуривали травку. ОН же раз в полгода врывался в квартиру мамы, бил, угрожал, издевался, и она шла в милицию забирать заявление. И снова Таня писала жалобы об угрозах, тем самым продлевая жизнь под крышей дома надзирателей. На семнадцатилетие они стали любовницами. Впервые ее женское тело почувствовало ласку и нежность. Но это продолжалось недолго. Всего несколько месяцев. Самых прекрасных месяцев в ее жизни. Однажды Таня не вернулась после поездки в Питер. Ее нашли мертвую, в луже крови, в своей квартире. Его поймали через неделю... Затем шли нескончаемые месяцы, когда она давала показания, глядя на его мерзкую рожу через решетку. Таня ушла, научив ее быть сильной. Благодаря ей она не стала больше прятаться в своих грезах. Она нашла силы преодолеть боль потери самого любимого человека, пройти через ад допросов и судебных заседаний. Но, самое главное, она нашла силы простить его. Ведь если не простить, то придется держать всю жизнь злобу при себе. На последнем заседании, когда судья объявил пожизненный приговор, она крикнула ЕМУ – «Я тебя прощаю».

Шли годы, она снова жила с мамой, пыталась встречаться с мужчинами. Но каждый раз, когда она видела голого мужчину, в ее голове образовывалась каша из лиц ее «идеальных родителей», страхов, воспоминаний о Тане. ЕГО не было больше в ее мыслях. Простив, она стала сильнее его и больше не боялась. Теперь она умела запретить ЕМУ посещать ее мысли. Она могла контролировать свои мысли почти всегда. Только зловонный запах мужского одеколona Шанель по-прежнему вводил ее в неподконтрольный ужас. Это было редко, но каждый раз она мечтала быть сильнее его. И вот сейчас уже несколько минут ее окутывал этот ненавистный смрад от мента, она чувствовала эту тупую боль после каждого толчка, царапанье заноз от стола. Она была в этой реальности. И тогда она вдруг улыбнулась. Она победила последний страх, оставшийся после НЕГО. Мент, прорывав, ослабил руку, и теперь она могла поднять голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Оставив внутри ее часть себя, он даже не задумывался, что судьба может принести ей подарок через 9 месяцев. Хищно оскалившись, он стоял сзади, заправляя свое хозяйство в штаны.

– Ну что? У тебя хорошая жопка, с ней ты нигде не пропадешь! Не мешает серьга-то на таком интересном месте сексом заниматься? – ухмыльнувшись, произнес он, разглядывая ее голое тело. – На этом будем считать, что ты получила свое наказание. Еще раз с анашой поймаю, так просто не отделаешься у меня, посажу на три года.

Коробок травы, которой она купила у барыги в клубе, нашел во время обыска стоящий перед ней сейчас ублюдок. Он в паре с тем барыгой разводил богатеньких мажоров на деньги. Они покупали наркотики, а он их тут же сдавал менту. Барыге возвращался товар, а мент получал бабки. Поняв, что с нее ничего ему не поймет, мент предложил ей расплатиться телом. Сидеть в тюрьме ей не хотелось, денег на откуп не было. Через неделю у нее был билет в Индию. Она давно мечтала уехать туда и долго копила деньги. Упускать свой шанс она хотела, и поэтому, не ломаясь, согласилась. Сейчас она смотрела менту в глаза и думала, что сказать. Ей очень хотелось высказать ему всю правду, что она о нем думала.

– Траву я твою конфискую. Все, вали отсюда, – сказал он, протянув ее паспорт.

И тут она улыбнулась. Она нашла, что ему сказать.

– Спасибо, – тихо произнесла она. – У вас очень хороший одеколон.

– Вот же мудак, – швырнув на стол листки бумаги, воскликнул Арсений. – Насильником прям меня тут изобразил. – Возмущенная мысль забурлила. – Эта сучка сама себя вела так, что не предложить ей расплатиться натурой не смог бы ни один нормальный мужик. Какой бабе придет в голову мысль себе в клитор серьгу вешать? Или лесбиянке, или бляди. Что же он не написал про это? Да, теперь понятно, что нелегко ей в жизни было. А кому легко-то? У всех свой крест. Надо было вообще дело на нее тогда завести. Да разве я насильник? Хорошо, что имен никаких не указал. Хотя чего я парюсь, он же писатель, мог что угодно напридумывать. Хрен с ним. Надо бы позвонить ему и сказать, что по-другому все было. Скажу, что проникся рассказом, но что никогда никого не насиловал и не принуждал, а однажды был влюблен в девушку, с которой действительно случился как-то раз секс в кабинете. Но то была обоюдная страсть. Скажу, что хочу увидеть сына и помочь материально. Скажу, что давно уже этим одеколоном не пользуюсь. А этой лесбиянке хрен я помогать тогда буду. Если сын понравится – оплачу ему образование с восемнадцати лет. Если в меня пойдет и дурить не будет – может быть, передам свою империю. Вечером Ваньку позвоню. Так и быть, пусть живет. А то с этими писателями, как с говном – пнешь, потом вонять долго будет, да и отмывать неприятно.